

5 декабря 2008 года. Идёт мелкий снег.

В городе зажигались первые огни, мерцали неоновые вывески.

На верхнем этаже элитного жилого комплекса, в роскошном кресле у огромного панорамного окна, сидел тридцатидевятилетний Линь Юй. Только что положив трубку, он бережно поглаживал лежащую на коленях маленькую черно-белую фотографию. С карточки улыбался во весь рот семи-восемилетний мальчик, чьи черты лица процентов на шестьдесят совпадали с чертами самого Линь Юя. В панорамном стекле отражалось лицо мужчины — уже тронутое первыми приметами зрелости, но всё ещё сохранившее былое благородство.

Он пристально смотрел в окно. В глубине его глаз бушевал ураган эмоций, в котором отчетливо читались глубокая скорбь и затаенная ненависть.

В обществе об этом довольно молодом и известном богаче судили по-разному. Кто-то называл его мелочным и бездушным: в делах он никогда не упускал своего, и если партнер задолжал ему хоть грош, требовал бы его обратно вместе с процентами. Но в то же время Линь Юй жертвовал баснословные суммы фондам помощи детям с врожденными заболеваниями, и бесчисленные спасенные семьи молились на него со слезами благодарности.

Такой вот противоречивый человек, Линь Юй скончался от внезапного сердечного приступа на борту самолета — всего через несколько дней после своего сорокалетия, завещав перед этим всё своё состояние на благотворительность.

Перед смертью он судорожно сжимал ту самую черно-белую фотографию — так сильно, что побелели пальцы.

4 октября 1988 года. Ясно.

В старом одноэтажном доме, в тесной и скромной спальне, под самым потолком сиротливо висела покрытая тонким слоем пыли лампочка. От долгой службы вольфрамовая нить в ней истончилась, отчего прежде прозрачное стекло помутнело и потемнело.

Стены, грубо побеленные известкой, сохранили явные следы широкой кисти. Под деревянным краем кана — традиционной печи-лежанки — серой полосой тянулся неровный цементный пол, треснувший почти посередине извилистой ломаной линией.

Небольшое окно закрывала поблекшая розовая атласная занавеска. Сквозь неё, почти не встречая сопротивления, пробивались утренние лучи, освещая облупившуюся багровую раму. За стеклом виднелся опустевший, увядающий осенний огород.

Постеленный на кан коврик-циновка обтрепался по краям, а в углах темнели подпалины от печного жара.

Одеяла и матрасы пестрели некогда яркими цветочными узорами, но от бесчисленных стирок ткань совсем выцвела.

Под ними спали двое: взрослый и ребенок. Младшему на вид было не больше шести-семи лет. Бледный, с заострившимся подбородком, он лежал на боку, уткнувшись личиком в грудь старшего брата. Малыш дышал слабо и прерывисто, но спал безмятежно.

Старшему же парню нельзя было дать и двадцати. Он лежал на спине, прикрыв глаза ладонью. Грудь его тяжело и часто вздымалась, пальцы едва заметно подрагивали — сон его явно был тревожным.

Вдруг тело юноши резко содрогнулось. Он судорожно, захлеб глотнул воздух и распахнул глаза. Рука, закрывавшая лицо, медленно опустилась. По мере того как парень всматривался в убогую обстановку вокруг, мука и отчаяние в его красивых глазах постепенно сменялись глубочайшим потрясением.

Линь Юй помнил, как в самолете у него внезапно сжало грудь дикой, невыносимой болью. Дышать стало невозможно, и сознание стремительно угасло.

Последнее, что он успел заметить перед тем, как мир померк, — испуганное лицо стюардессы, спешащей к его креслу.

Рейс летел в город Хунъян, а от тамошнего аэропорта до конечной точки его маршрута оставалось всего километров семнадцать-восемнадцать.

Место, куда он так стремился, называлось районом Хунци.

Здесь Линь Юй родился и вырос.

Когда-то давно тут ютилась безвестная рыбацкая деревушка. Благодаря богатым уловам она постепенно разрослась, и в пятидесятых-шестидесятых годах получила статус волости Хунци.

В середине семидесятых государство решило построить здесь порт. К восьмидесятым годам, когда строительство завершилось, волость объединили с соседними деревнями в единый район Хунци, перешедший в прямое подчинение города Хунъян.

Для Линь Юя эти места были родиной, хранившей воспоминания детства и юности. Покинув эти края, он не возвращался сюда больше десяти лет.

И вот теперь, раздав всё своё колоссальное состояние, он решил вернуться. Вернуться ради мести. Ради того, чтобы поквитаться за смерть своего младшего брата.

Но судьба распорядилась иначе: он умер от инфаркта в самолете, так и не ступив на родную землю.

Перед смертью его душили ярость и горькое раскаяние, зубы были сжаты до скрежета, а с губ стекала струйка крови.

И вдруг... Линь Юй опустил взгляд. Маленькое, до боли знакомое лицо Линь Фаня покоилось у него на плече. Сколько бессонных ночей Линь Юй провел в будущем, перебирая пальцами ту единственную черно-белую фотографию, пытаясь заглушить грызущую вину и тоску!

Он переродился. Вернулся на двадцать лет назад, в то время, когда его маленький брат, его Сяо Фаньчуань, был ещё жив, а врожденный порок сердца ещё не унёс его жизнь.

На этот раз он ни за что не допустит трагедии.

Полчаса спустя Линь Юй снял потрепанный передник и аккуратно прибрал охапку дров на цементном полу у печи.

Огонь в очаге уже догорал, но из кастрюли с остатками лапши всё ещё валил густой, ароматный пар.

Неподалеку, прямо над умывальником, на вбитом в закопченную стену гвозде висело круглое зеркало. От многолетнего воздействия гари и копоти его поверхность давно пожелтела.

Линь Юй подошел к нему и долго всматривался в собственное отражение.

На него глядело бледное, совсем ещё юное лицо. Черты он унаследовал от матери-красавицы: гармоничный разрез глаз, чистый взгляд, тонкий, изящный нос. И только очертания губ точь-в-точь походили на лицо того человека.

От этой мысли в груди шевельнулось глухое раздражение. Линь Юй по привычке поджал губы, стирая это сходство.

Ему действительно дали второй шанс. Он снова в своем девятнадцатилетии.

— Брат, — негромко позвали сзади.

Линь Юй вздрогнул и обернулся. В дверном проеме стоял худенький, хрупкий мальчик в поблекших, висящих мешком штанишках и рубашонке. Сяо Фаньчуаню исполнилось восемь, но из-за болезни он выглядел на год-два младше сверстников. Лицо его хранило болезненную сероватую бледность, губы отливали синевой, но даже это не могло скрыть, каким красивым рос этот ребенок.

С чувством безграничной, щемящей благодарности судьбе Линь Юй подошел к брату, опустил перед ним на корточки и бережно обнял его крошечное, осунувшееся личико ладонями. Он поцеловал его в лоб, изо всех сил стараясь сдержать подступающие к горлу слезы, и тихо спросил:

— Сяо Фаньчуань, ты доел лапшу?

— Брат, — чуткий мальчик сразу уловил перемену в его настроении, — что с тобой?

Линь Юй на секунду опустил голову, а когда поднял взгляд, его лицо уже было совершенно спокойным. Он легонько шлепнул брата по мягкому месту:

— Живо одевайся и марш в школу, а то опоздаешь!

Годы тяжелого недуга заставили ребенка повзрослеть раньше времени. Малыш нахмурился, всматриваясь в лицо старшего брата. Он чувствовал, что что-то не так, но не мог понять, в чём

дело, поэтому просто протянул тонкую ручку и ласково погладил Линь Юя по голове.

У Линь Юя защемило сердце. Он подхватил братишку на руки:

— Ну же, глупыш. Обещаю, вечером приготовлю тебе что-нибудь очень вкусное.

Проводив Сяо Фаньчуаня до Первой районной начальной школы и дождавшись, пока тот скроется за тяжелыми воротами, Линь Юй повернул обратно.

Но направился он не домой, а в промышленную зону, что находилась в трех остановках от школы.

Там девятнадцатилетний Линь Юй держал маленькую закусочную.

Он прекрасно помнил, что эта маленькая закусочная под названием «Закусочная Хуэйминь» стала его первой крупной инвестицией. В будущем его назовут гением бизнеса, его кейсы будут разбирать на кафедрах менеджмента в ведущих вузах как примеры безупречных, беспроектных стратегий, где миллионные сделки закрывались по щелчку пальцев.

Но мало кто знал, что на заре своей карьеры Линь Юй потерпел сокрушительное поражение. И пусть тогда речь шла о ничтожных по меркам его будущей империи грошах, крах этой крошечной закусочной обернулся для него личной трагедией, оставившей неизлечимую рану на всю жизнь.

Заводской район Хунци начал расти одновременно со строительством порта. Городские власти, оценив перспективы морских грузоперевозок, выделили под промышленную застройку огромные площади вокруг района и ввели крайне выгодные льготы для привлечения капитала.

Заводы и фабрики росли как грибы после дождя, их трубы беспрерывно коптили небо. Именно тогда юный Линь Юй уловил золотую жилу и, приложив нечеловеческие усилия, открыл «Закусочную Хуэйминь» на самой границе промышленной зоны.

Пусть это был всего лишь невзрачный павильон из сэндвич-панелей с дешевой внутренней отделкой, на его обустройство ушли практически все сбережения парня. К счастью, затея оправдала себя: вложения окупились быстро, и заведение стало приносить солидный ежемесячный доход. Вскоре поблизости начали открываться конкуренты, но благодаря отличному повару, честности Линь Юя и его гостеприимству «Хуэйминь» удерживала позиции. Доходы немного упали, но дела всё равно шли в гору.

До того как грянула беда, их жизнь с братом была вполне сносной.

И вот теперь, стоя перед этим неказистым строением за полгода до роковых событий, Линь Юй глубоко вздохнул.

У него есть время. Всё можно исправить.

Когда он вошел, на кухне всю работала повар Сунь Фулу. Равномерный, оглушительный стук тяжелого тесака по разделочной доске эхом отдавался в тонких стенах павильона.

Официантка Хоу Сяохун прибирала столы. Завидев хозяина, она так и расплылась в улыбке, её круглое румяное лицо так и сияло. Бросив тряпку, она торопливо направилась к нему.

Спустя двадцать лет созерцание этих давно позабытых стен и лиц вызвало у Линь Юя легкое головокружение.

Сейчас Сяохун было всего восемнадцать. Как и сам Линь Юй, она пошла работать сразу после окончания средней школы, чтобы помогать семье.

Когда закусочная разорилась, катастрофа утянула за собой всех. Особенно тяжело пришлось старине Суню — он больше не смог устроиться поваром и ушел на тяжелые строительные работы. К тому времени, как Линь Юй узнал всю правду и попытался материально помочь ему, старик уже ушел из жизни после затяжной болезни.

А Сяохун... Когда Линь Юй отыскал её много лет спустя, она работала прислугой в богатом городском доме. Тяжелая жизнь лишила её былой свежести: в тридцать с небольшим она выглядела на все пятьдесят, её когда-то пухлые, розовые щеки потемнели и высохли, а в уголках глаз залегли глубокие морщины.

Линь Юй тогда молча протянул ей конверт с крупной суммой. Девушка приняла помощь без лишних слов, но, уходя, он заметил, как она тихонько утирает слезы.

Но сейчас перед ним стояла совсем юная, полная жизни Сяохун. Подбежав к нему, она задорно подмигнула:

— Маленький босс, а у меня для вас отличные новости!

Мыслями Линь Юй всё ещё был там, в будущем, поэтому ответил рассеянно:

— Какие ещё новости?

Он прошел вглубь зала, присматриваясь к обстановке. С высоты своего колоссального опыта ведения бизнеса он понимал, что эта скромная забегаловка, открытая на гроши, едва дотягивала до тройки с плюсом. Нужно было срочно наметить план улучшений.

Из задумчивости его вырвал звонкий голос помощницы:

— Да вот только что заходил кассир Сюй с насосного завода. Искал вас, но очень торопился на смену, так что пришлось ему убежать.

Линь Юй обернулся:

— Сюй? Тот, что работает на насосном?

Память неохотно подбрасывала детали. Сяо Сюй был молодым парнем лет двадцати, приезжим. Жил в общежитии или снимал угол неподалеку, готовить сам не умел, заводская столовая ему быстро приелась, вот он и захаивал в «Хуэйминь». Со временем они даже

немного сдружились.

Линь Юй подошел к умывальнику у входа, закатав рукава:

— Зачем я ему понадобился?

Сяохун так и крутилась рядом, услужливо протягивая чистое полотенце:

— Сяо Сюй говорит, их директор хочет сосватать вам кое-кого!

Линь Юй замер, удивленно приподняв брови. Взяв полотенце, он принялся неторопливо вытирать руки:

— Мы с директором Яном едва знакомы. С чего бы ему вдруг устраивать мою личную жизнь?

Глаза Сяохун так и горели любопытством:

— Сяо Сюй случайно подслушал разговор директора Яна с бухгалтером Ли в столовой. Говорит, старик до сих пор помнит, как вы его спасли, когда он без чувств свалился. Очень уж вы ему по душе пришлись.

Тут в памяти Линь Юя окончательно восстановилась эта полузабытая история.

Примерно за месяц до этого он ездил на городской оптовый рынок за специями и кухонной утварью. Прямо у входа в Первый универмаг Хунъяна он наткнулся на толпу, окружившую упавшего на землю мужчину средних лет. Люди суетились, не зная, что делать.

Поскольку его младший брат страдал приступами гипогликемии, Линь Юй сразу узнал симптомы. Он не растерялся, побежал к ближайшему ларьку, купил сладкий детский сок и бережно влил его в рот незнакомцу. В девятнадцать лет он был решительным и не думал о последствиях. К счастью, мужчина пришел в себя, осушив половину бутылочки.

Этим человеком оказался Ян Гочжи, директор местного насосного завода. Линь Юй мельком видел его раньше, но лично они не общались. Парень помог ему подняться, оставил закупленный товар у знакомого торговца и не отходил от директора, пока за тем не приехали родственники.

После этого случая директор Ян заглядывал в его заведение дважды. В первый раз принес щедрый подарок в знак благодарности, но Линь Юй наотрез отказался его брать. Вторую встречу директор организовал сам: привел в закусочную целую делегацию коллег, чтобы поддержать малый бизнес рублем. Линь Юй оценил жест и в качестве ответной любезности бесплатно подал к их столу фирменное блюдо.

После того как его жизнь покатилась под откос, все эти связи оборвались.

Историю со сватовством Линь Юй в прошлой жизни проигнорировал, и она заглохла сама собой. Но сейчас в памяти всплыла одна деталь — нечто настолько абсурдное и неожиданное, что даже спустя двадцать лет вызывало у него изумление.

«Что же это была за деталь?»

Линь Юй никак не мог вспомнить, что именно его тогда так поразило.

Не дав ему додумать, Сяохун восторженно затараторила:

— Сяо Сюй уверяет, что партия просто загляденье! Высокий, видный, образованный, при деньгах...

В голове у Линь Юя словно щелкнул выключатель. Он вспомнил.

— Погоди, — прервал он восторженную тираду помощницы, желая подтвердить свою догадку.

— И кого же именно директор Ян решил мне сосватать?

Сяохун растерянно мотнула головой, отчего её забавные косички смешно дернулись:

— Ой, имени-то я не запомнила! Знаю только, что это парень! — Она так и просияла, выпалив во весь голос: — Директор Ян решил найти вам жениха!

<http://bllate.org/book/20105/1993544>